

Каутский Карл

Терроризм и коммунизм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К23

К23 **Карл К.**
Терроризм и коммунизм / Каутский Карл – М.: Книга по Требованию, 2022. –
228 с.

ISBN 978-5-519-88665-9

ISBN 978-5-519-88665-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1. Революція и терроръ.

До войны — даже въ широкихъ кругахъ социаль-демократіи — былъ распространенъ взглядъ, что эра революцій миновала не только для западной Европы, но и для Германіи и Австріи. Несогласные съ подобнымъ взглядомъ считались революціонными романтиками.

Но вотъ наступила революція, принявшая такія дикія формы, которыя не рисовались даже воображенію самыхъ фантастически настроенныхъ революціонныхъ романтиковъ.

Отмѣна смертной казни была для каждого социалиста само собою разумѣющимся требованіемъ.

Современная революція сопровождается, однако, самымъ кровавымъ терроромъ, проводимымъ въ жизнь социалистическими правительствами. Большевики первыми стали примѣнять терроръ, за что подверглись самому рѣзкому осужденію со стороны всѣхъ социалистовъ, стоявшихъ на антибольшевистской платформѣ, — въ томъ числѣ также со стороны германской социалъдемократической партіи большинства. Но какъ только послѣдняя почувала угрозу своему господствующему положенію, она немедленно прибѣгла къ тѣмъ же методамъ террора и насилія, за которые такъ недавно клеймила большевиковъ. Носке смѣло пошелъ по стопамъ Троцкого, съ той только разницей, что онъ свою собственную диктатуру не считаетъ диктатурой пролетаріата. Но оба они оправдываютъ свой кровавый режимъ правомъ революціи.

Мнѣніе, будто терроръ тѣсно связанъ съ революціей, и сторонники революціи неизбѣжно должны мириться

съ такимъ положеніемъ, пользуется, въ дѣйствительности, весьма широкимъ распространеніемъ. Въ качествѣ аргумента неизмѣнно приводится французская революція. Ея принято считать революціей *par excellence*.

Изслѣдованіе сущности террора, его условій и успѣха его, цѣлесообразнѣе всего начать съ характеристики кроваваго режима санкюотовъ. Съ нея мы и начнемъ. Мы отдалимся при этомъ въ значительной степени отъ текущей дѣйствительности, но зато научимся лучшему ея пониманію. Поразительно, сколько сходныхъ моментовъ между французской революціей и революціями настоящаго времени, — въ особенности русской.

Тѣмъ не менѣе, наши революціи по существу рѣзко отличаются отъ революціи XVIII столѣтія. Достаточно сравнить нашъ пролетаріатъ, нашу промышленность и наши пути сообщенія съ ихъ предшественниками въ ту пору.

2. Парижъ.

Нынешняя германская революція не имѣетъ центра, французская же революція всецѣло направлялась изъ Парижа. Необходимо предварительно ознакомиться съ той громадной политической и экономической ролью, которую игралъ въ то время Парижъ по отношенію къ Франціи, чтобы понять сущность французской революціи и связанный съ ней режимъ террора. Ни въ XVIII, ни отчасти даже въ XIX вѣкѣ, ни одинъ городъ не пользовался такой властью, какъ Парижъ. Это находится въ связи съ тѣмъ значеніемъ, которое выпадаетъ на долю резиденціи, т.-е. центра управленія, въ современномъ бюрократически-централизованномъ государствѣ, до наступленія экономической децентрализаціи, которая является слѣдствіемъ болѣе высоко развитаго промышленнаго капитализма и развитія путей сообщенія.

Въ феодальномъ государствѣ сфера вліянія центра, т. е. монарха, незначительна, его функціи ограничены, и соотвѣтственно съ этимъ весь правительственный аппаратъ — весьма слабъ. Его легко перенести изъ одного города или замка въ другой, и монархъ тѣмъ чаще вынужденъ перекочевывать съ одного мѣста на другое, чѣмъ слабѣ развиты средства сообщенія, чѣмъ менѣе отдѣльная область способна на болѣе или менѣе продолжительный срокъ содержать на собственныя средства королевскій дворъ, и чѣмъ чаще король вынужденъ лично являться въ разныя области своихъ владѣній, чтобы такимъ путемъ держать народъ въ подчиненіи и поддерживать въ немъ

духъ преданности. Итакъ, въ тѣ времена король занимался своимъ ремесломъ, кочуя съ одного мѣста на другое. На подобіе кочевника король ищетъ себѣ одно жирное пастбище за другимъ и, наголо обчистивъ, покидаетъ его и переходитъ къ другому.

Но съ теченіемъ времени правительственный аппаратъ расширяется, главнымъ образомъ вслѣдствіе увеличенія товарнаго производства, ведущаго къ развитію денежнаго хозяйства, къ замѣнѣ, неудобной для транспорта, натуральной повинности денежными налогами. Съ ростомъ налоговъ усиливается власть монарха, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется также правительственный аппаратъ путемъ созданія бюрократіи и постоянной арміи. Подобный аппаратъ не можетъ быть перенесенъ съ мѣста на мѣсто, и онъ постепенно теряетъ свой кочевой характеръ. И въ прежнія времена отдѣльные крупные города, расположенные въ центрѣ государства и служившіе узловыми пунктами торговли, считались наиболѣе богатыми и являлись излюбленнымъ мѣстожительствомъ короля. Теперь же одинъ изъ этихъ городовъ избрался въ качествѣ постоянной резиденціи. Въ этомъ городѣ сосредоточивалось все, что имѣло отношеніе къ правительственному аппарату, сюда стекались налоги со всего государства, и только часть изъ нихъ возвращалась снова государству. Здѣсь свивали себѣ также прочныя гнѣзда поставщики королевскаго двора, а также денежная знать, которая въ качествѣ арендаторовъ налоговъ и банкировъ завязывала всевозможныя денежныя дѣла съ правительствомъ.

Одновременно возростала власть монарха надъ дворянствомъ, самостоятельность котораго была сломлена. Монархъ не хотѣлъ допустить того, чтобы крупное дворянство продолжало жить вдали отъ него въ своихъ замкахъ. Онъ требовалъ дворянъ ко двору, гдѣ они находились подъ его личнымъ надзоромъ и несли никому непужную придворную службу.

У дворянства были отняты права по управленію коммунальной жизнью и переданы чиновникамъ, назначеннымъ монархомъ и получавшимъ отъ него жалованье. Дворяне все болѣе превращались въ тунендцевъ, которые занимались исключительно тѣмъ, что жили при дворѣ и проживали тамъ доходы отъ своихъ помѣстій. То, что они раньше продавали вмѣстѣ со своими домохозяевами въ своихъ дворцахъ и замкахъ, шло теперь въ столицу и способствовало росту ея богатства. Дворяне строили въ столицѣ собственные дворцы и наслаждались праздною жизнью, будучи лишены всякихъ серьезныхъ общественныхъ обязанностей.

Капиталистическія выскочки старались не отставать отъ нихъ въ смыслѣ удобствъ и роскоши.

Такимъ образомъ резиденціи стали, въ противоположность „провинціи“, не только центромъ скопленія всѣхъ богатствъ страны, но и центромъ веселья и роскоши, пользующимся притягательной силой не только для провинціаловъ, но и для богатыхъ иностранцевъ, а также и для тѣхъ, кто имѣлъ склонность и способность эксплуатировать въ качествѣ жреца веселья всѣхъ жаждущихъ веселой и праздною жизни.

Но и болѣе серьезные элементы также стремились въ столицу. Въ своихъ замкахъ дворяне занимались исключительно охотой, пьянствомъ, разгуломъ и пр., столица же создавала болѣе утонченные нравы и развлечения. У дворянства постепенно просыпался интересъ къ искусству, и вошло въ обычай покровительство наукамъ. Въ столицу стали стекаться художники и ученые въ надеждѣ создать себѣ тамъ соответствующее положеніе. Чѣмъ прочнѣе обосновывалась буржуазія въ столицѣ, тѣмъ легче художники и писатели находили тамъ сбытъ своимъ произведеніямъ.

Естественно, что въ столицу стекались также многочисленные ремесленники и торговцы, чтобы удовлетворить потребности всѣхъ этихъ господъ. Только въ столицѣ

можно было создать себѣ положеніе и карьеру, и всякій, обладавшій умомъ, предприимчивостью и энергіей, устремлялся туда.

Но далеко не всякій достигалъ желаемой цѣли. Число потерпѣвшихъ крушеніе было весьма значительно. Эта армія люмпенъ-пролетаріевъ, представляющая собой характерное явленіе разсматриваемаго періода, искала въ столицѣ возможности существованія, такъ какъ тамъ ей удобнѣе всего было укрываться и ждать счастливой случайности, которая помогла бы ей стать на ноги. Въ погонѣ за счастьемъ она нерѣдко „вносила поправки“ въ свою судьбу на подобіе извѣстнаго Рико де-Марлиньера.*)

Отличительными признаками столицы являлись, наряду съ процвѣтаніемъ науки и искусствъ, разнузданность, глубокая нищета и усиленіе преступности.

Соціальной своеобразности соответствовала также своеобразность духа, господствовавшего среди населенія. Но не во всѣхъ столицахъ царилъ одинаковый духъ. И здѣсь качество брало верхъ надъ количествомъ.

Въ столицѣ маленькой или экономически отставшей страны вышеуказанные характерные признаки не могли получить широкаго развитія. Въ такомъ городѣ особенно проявлялась зависимость населенія отъ двора, — не только экономическая и политическая, но и духовная. Господствовавшій среди придворныхъ духъ, болѣе грубый, наивный и невѣжественный, отражался въ сильной степени на городской буржуазіи, а черезъ нее и на сельскомъ населеніи, получавшемъ „свѣтъ“ изъ столицы.

Отсюда ярко выраженный монархическій, лакейскій духъ Германіи, ея мелкихъ государствъ, — тотъ духъ, то умонастроеніе, которое, въ періодъ расцвѣта буржуазной демократіи, приводило въ отчаяніе ея поборниковъ и

*) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ Лессинга „Минна Фоя-Варгельтъ“.

заставило Берне съ возмущеніемъ воскликнуть: „другіе народы — рабы, нѣмцы же — лакеи“. Эту мысль Гейне въ иронической формѣ выразилъ словами:

Deutschland, die fromme Kinderstube,
Ist keine römische Mördergrube.

Въ крупныхъ столицахъ духовное развитіе шло инымъ путемъ. Чѣмъ крупнѣе былъ городъ, тѣмъ слабѣе было вліяніе придворныхъ круговъ, сравнительно съ вліяніемъ другихъ элементовъ, искавшихъ тамъ счастья. Чѣмъ многочисленнѣе армія разочаровавшихся и недовольныхъ, тѣмъ больше ея значеніе и сила. Это придавало мужество не только ей, но и той оппозиціи, которая, не будучи лично недовольной, не закрывала, однако, глазъ на недостатки въ государствѣ и обществѣ. Такая оппозиція существовала вездѣ. Въ маленькой столицѣ она скрывалась, въ большой — она осмѣливалась выступать открыто.

Среди крупныхъ резиденцій европейскаго континента въ XVII и XVIII столѣтіяхъ самой большой считался Парижъ, столица главнѣйшаго въ то время государства. Онъ насчитывалъ къ концу XVIII столѣтія около 600.000 жителей. Веймаръ же, тогдашняя резиденція и духовный центръ Германіи, имѣлъ населеніе всего въ 10.000 чело-вѣкъ.

Населеніе Парижа еще издавна отличалось своимъ повстанческимъ духомъ. Еще въ 1648 году произошло движеніе Фронды, возникшее благодаря конфликту между правительствомъ и парижскимъ парламентомъ, высшимъ судебнымъ трибуналомъ. Были воздвигнуты баррикады, и король былъ вынужденъ въ 1649 г. бѣжать изъ Парижа — въ тотъ самый годъ, когда англійскій король Карлъ I былъ казненъ. Эта борьба длилась до 1652 года, и монархія была въ концѣ концовъ вынуждена уступить — правда, абсолютизму удалось въ скоромъ времени снова укрѣпить свою власть.

Въ періодъ борьбы населеніе столицы объединилось съ высшимъ дворянствомъ, но этотъ союзъ былъ слишкомъ

неравнымъ. Высшее дворянство не могло уже отстоять свою позицію передъ властью короля. Парижъ по отношенію къ Людовику не обладалъ тогда силой сопротивленія, какъ Лондонъ по отношенію къ Карлу.

Борьба Фронды совпала съ юношескими годами Людовика XIV. Возстаніе парижанъ и собственное бѣгство изъ Парижа произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Чтобы не пережить вторично подобнаго униженія, онъ перенесъ свою резиденцію изъ Парижа. Правда, правительственный аппаратъ ему пришлось оставить тамъ, но, въ качествѣ резиденціи двора, онъ избралъ мѣсто, достаточно близкое отъ Парижа, чтобы имѣть возможность постоянно и быстро сноситься съ нимъ, но въ то же время достаточно отдаленное, чтобы не находиться подъ постоянной угрозой уличныхъ возстаній. Въ 1672 году Людовикъ приступилъ къ постройкѣ новой резиденціи, которая обошлась ему, вѣрнѣе, его народу, въ милліардъ франковъ. Эта резиденція была Версаль, въ 18 километрахъ отъ Парижа. Ему суждено было доказать въ послѣдующее столѣтіе, что онъ, дѣйствительно, былъ созданъ въ защиту отъ бунтарскаго Парижа.

Какъ рѣшительно ни выступалъ Парижъ противъ централистической власти въ государствѣ, его отношенія къ ней не отличались ровностью. Съ одной стороны Парижъ стремился къ самостоятельности и независимости, но, съ другой стороны, его сила и богатство всецѣло были основаны на силѣ и могуществѣ государственной власти. Онъ требовалъ автономіи для коммуны и въ то же время былъ обязанъ своимъ расцвѣтомъ государственной централизациі, усиленію которой онъ способствовалъ уже однимъ фактомъ своего существованія.

То, что въ теченіе XVIII вѣка связывало различныя и въ различное время завоеванныя провинціи Франціи въ единое національное цѣлое, было въ первую очередь преобладающее значеніе Парижа надъ всѣми остальными частями Франціи. Что могло быть общаго между альзас-

цемъ и бретонцемъ, между фламандцемъ изъ Дюнкирхена и гасконцемъ? Но всѣ они были связаны съ Парижемъ, ихъ родные и болѣе даровитые среди нихъ находились тамъ и сливались тамъ въ единую націю. Противорѣчіе, по которому Парижъ являлся одновременно сильнѣйшей опорой централизованной государственной власти и ея виднѣйшей оппозиціи, особенно ярко отражалось на отношеніи Парижа къ провинціи. Въ Парижѣ быстрѣе и глубже вскрывались недостатки и злоупотребленія, отъ которыхъ страдала вся страна. Парижъ скорѣе другихъ находилъ въ себѣ мужество открыто указывать и клеймить эти недостатки. Онъ становился такимъ образомъ передовымъ борцомъ за всю страдавшую Францію. Населеніе провинцій, отсталое въ духовномъ отношеніи, безсильное и безвольное, смотрѣло на Парижъ, какъ на своего защитника, спасителя, за которымъ оно часто шло съ глубокимъ энтузіазмомъ. Но не всегда. Ибо этотъ самый Парижъ выросъ и возмужалъ не только благодаря труду своего населенія, но и благодаря эксплуатаціи провинцій, благодаря тому, что львиная доля создаваемыхъ провинціей цѣнностей стекалась въ Парижъ; она способствовала тамъ аккумуляціи капитала, обогащенію эксплуататоровъ или просто прожигалась въ безшабашномъ разгулѣ.

И, наряду съ довѣріемъ къ прогрессивному Парижу, просыпалась ненависть къ эксплуатирующему Парижу, создавалось противорѣчіе между столицей и провинціей. И, въ зависимости отъ исторической ситуаціи, брала верхъ та или другая сторона.

Экономическое противорѣчіе еще обострялось, благодаря противорѣчію взглядовъ различныхъ социальныхъ круговъ. Въ провинціи и въ деревняхъ наблюдалась экономическая закоснѣлость, господство традицій и пережитковъ старины, словомъ, консерватизмъ духа и нравовъ. Даже тотъ, кто не признавалъ ихъ, долженъ былъ притворяться, ибо въ провинціальныхъ городахъ и въ деревнѣ каждый находился подъ строгимъ контролемъ всей общины.

Этотъ контроль совершенно отсутствовалъ въ крупномъ городѣ. Тамъ открыто можно было высмѣивать нравы и традиціи старины, что продѣлывалось не только живнерадостнымъ дворянствомъ и крупной буржуазіей, ни въ чемъ не желавшей уступать дворянству, но и низшими слоями народа, которые въ своей нищетѣ и постоянной непрочности существованія не останавливались ни передъ „священнымъ институтомъ“ частной собственности, ни передъ святостью семейнаго очага. Между тѣми и другими стояли широкіе слои искателей счастья и интеллигентовъ, испытывавшихъ часто ту же нужду, ту же неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, какъ и люмпен-пролетаріатъ, но имѣвшихъ доступъ къ веселой и безпечной жизни столичнаго дворянства и денежной знати.

Неудивительно поэтому, что наивные провинціалы и крестьяне отъ всей души возмущались безнравственностью и распущенностью грѣшнаго Парижа, и что веселые парижане со своей стороны высмѣивали уязву и филистерство провинціаловъ.

Это противорѣчіе проявлялось не только въ области морали, но и въ дѣлахъ религіи. Для крестьянства, жившаго въ глуши, священникъ былъ единственнымъ интеллигентомъ, заботившимся о немъ, поддерживавшимъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, просвѣщаяшимъ его въ предѣлахъ его горизонта, не превышавшаго колокольни его роднаго села. О томъ, что развитіе науки давно опередило его познанія, крестьянинъ, конечно, не имѣлъ никакого представленія. Онъ тяготѣлъ къ церкви и религіи, но уваженіе проявлялъ только къ ихъ духовнымъ сокровищамъ. И безъ всякаго раздумья могъ присвоить себѣ церковныя земли.

Для парижанъ же церковныя имущества не играли большой роли. Они придавали большее значеніе господствующему положенію церкви и воззрѣніямъ религіи.

Если въ средніе вѣка церковь была средоточіемъ